

МАНИЯ ГРЁЗ

ВОСКРЕСЕНИЯ
ЛЮКА РОЕЛСА

МАРК
КВИТ

Мания грёз

Аркадий Маргулис

Воскресения Люка Роелса

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Маргулис А.

Воскресения Люка Роелса / А. Маргулис — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Мания грёз)

ISBN 978-0-88-715226-9

«Воскресения Люка Роелса» - роман, объединяющий самостоятельной сюжетной линией повести, отнесенные авторами к серии «Мания Грёз»: «Конкиста», «Маня Гема», «Когда расцветает пейот», «Извозчик Его Сиятельства» и «Кибер-Крипта» (книга «Конкиста» из названной серии опубликована отдельно и получила признание читателей). Инвалид-колясочник Люк Роелс получает от Корпорации «VIRT-VIA-Z» приглашение к участию в гуманитарной акции для реализации «сокровенной» мечты и выигрывает в «Лотерее Грёз» поездку в Ватикан для встречи с Викарием Христа, Папой Римским. Корпорация привлекает к акции других инвалидов, оцифровывая их эмоции и создавая виртуальную программу для продажи сверхбогатым заказчикам. Люк Роелс отправляется в поездку в соответствии со сценарием Корпорации, всякий раз оказываясь участником событий в различных эпохах и обстоятельствах. На одном из этапов путешествия Роелс прекращает сотрудничество с Корпорацией, становится нежелательным свидетелем и погибает.

ISBN 978-0-88-715226-9

© Маргулис А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Мания Грёз – Скажите, у вас есть мечта?	6
Глава 2. Мания Грёз – Любые просьбы и пожелания	8
Глава 3. Мания Грёз – Мадонна южноамериканских кровей	16
Глава 4. Мания Грёз – Ты помнишь, где живёшь?	17
Глава 5. Конкиста – Наверху нас ждут пациенты	19
Глава 6. Мания Грёз – Мистер Роелс, с вами всё в порядке?	21
Глава 7. Мания Грёз – Жертва рождённого с изъяном	23
Глава 8. Конкиста – Высокородный дворянин из Боснии	25
Глава 9. Конкиста – Тонто, один из них	27
Глава 10. Конкиста – Желаете испытать судьбу, сеньор?	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан Воскресения Люка Роелса

Нью Йорк

Глава 1. Мания Грёз – Скажите, у вас есть мечта?

Когда неприятности, связанные общей цепью, одна за другой обрушиваются на человека, их невозможно ни задержать, ни остановить. Проще принять, чем трепыхаться подобно сверчку в паутине.

Солнечный свет, нарезанный планками жалюзи, превращал комнату в забубенную декорацию к малобюджетному фильму ужасов. Грустный Слоник, сверкая никелированными штучками, усиливал восприятие, подхлестывая мечты о воскресении.

Чудачка Акла, нещадно располневшая пуэрториканка с яркой примесью индейских кровей, отчаянно возмущалась – сегодня её обуяло нехорошее предчувствие.

Всё началось с месяц назад, когда мне позвонили из «Fallow Your Dream». В трубке задрезжал трансгендерный голос, не позволявший понять, кто там – мужчина или женщина:

- Мистер Роелс?
- Простите...
- Скажите, Люк, у вас есть мечта?
- Мечта...?

Я задумался. По ту сторону терпеливо ждали. Была ли у меня мечта? Ещё бы, мне двадцать три, пять из них я живу без ног, но с невероятной кучей проблем. Мечта... ух ты, моя мечта... Порой – очень давно, ею удавалось обмануть отчаяние. Американская – какая же ещё – фирма передовых технологий, так о ней заливали вокруг, разрабатывает феноменальное устройство, хирурги ювелирно вживят его в позвоночник. На следующий день пациент, самостоятельно встав, на собственных ногах покинет клинику. Год, какой-то год, займут доработки, и всё станет так любо-дорого, что не смей помирать. С тех пор минуло пять лет, фирма, а заодно с нею десяток таких же, разорились. Передо мною разверзлась омерзительная пропасть, я понял, что надеяться – пустой номер. И надо смириться, вернуться к постылой жизни и создавать в ней своё новое я...

– Вы вообще-то представляете себе, о чём мы мечтаем? – спросил я исполнителя грёз.

– О, тут уж, кто на что горазд. Одна шейница, дамочка-«квад», ну да, квадриплегия, возраст заболевания двадцать лет, она пожелала пластику – ликвидацию морщин, полное омоложение...

– Очнитесь, как вас там! Слышите? Я хочу выйти из дому, сесть в автобус, доехать до университетской библиотеки на Золотом Побережье и пофлиртовать с библиотекаршей... если она меня помнит со студенческих времён... И ещё самую малость – завести семью, детей и иметь возможность их обеспечить... Дошло? Понимаете, хочу, чтобы на меня смотрели, как на обычного человека и не воспринимали кубышкой для благотворительной помощи...

– Ради бога, мистер Роелс, уточните, – не впечатлила собеседника моя тирада.

– Что – уточнить?

– У вас есть мечта – нечто, что можно измерить?

– Есть, – вспыхнула во мне ярость, и я выпалил первое, что взбрело в голову, – всегда мечтал повстречаться... с папой...

– Другое дело! Мы как раз специализируемся на подобных мероприятиях. Где нынче обретается ваш отец? Африка? Европа? Дальний Восток? Аляска?

– Бросьте притворяться! Я имел в виду другого папу – Папу с заглавной буквы... Папу Римского! Понтифика!

– Ах вот в чём дело, вы говорили о Его Святейшестве... Викарии Христа из Ватикана...

– Больше всего меня интересует, кто вы – мужчина или женщина?

– О!!! Это имеет для вас значение?

Вконец расвирепев, я швырнул трубку и покатил к холодильнику. Акапулька обречённо уткнулась в телевизор. Я забросил в рот таблетку ксанакса, и меня передёрнуло – так раздражало изменение в дизайне упаковки. Запил пилюлю холодным «Будвайзером». Тут то и ожил телефон. Я вздрогнул, пиво попало в дыхательное горло, едва не задохнулся. Акла, почуяв неладное, оказалась рядом, помогла справиться и сразу же вернулась к телеприёмнику.

Прикончив пиво, я посмотрел на телефон – он не унимался – и приложил трубку к уху, всё ещё прочищая горло:

– Алло! Мистер Роелс! Уверен, вы слышите! Вы одолели кашель? Странное слово. В нём что-то демоническое, поверьте старику. Вслушайтесь! Ка-шель, ка-шель, ка-шель...

Я приставил трубку ко лбу. Смысл слова, состоявший в форсированном выдохе через рот, и впрямь пропал. Слово казалось потерянной песчинкой в бездонной пустыне магии.

– Простите, ради Бога, – неопределённое существо прервало свои излияния, почувствовав, что его слышат, – позвольте представиться... Джон Сартер, региональный менеджер «Follow Your Dream». Маленькой частицы могущественной империи! Наверняка, вы слышали о нас. Дежурный глоссатор Корпорации «VIRT-VIA-Z» зафиксировал шанс конкретной мечты именно в тот миг, когда ваше имя выпало в Лотерее Грёз. Если он не напутал, вы мечтаете о свидании с Его Святейшеством Папой Римским?

Вопрос был задан, и я решил ответить:

– Можно сказать, да...

– Вот и славно – поздравляю, заявка одобрена.

– Так быстро? – удивился я.

– Дорогой мистер Роелс! Клянусь, вы встретитесь с Его Святейшеством в Ватикане. Вам назначат время. Пока что готовьтесь. Собирайте всё, что нужно в длительное путешествие. Как говорится, чемоданы пакуйте загодя. В запасе осталось две недели... от силы, три. И мой вам совет – не хворайте. Ариведерче.

В трубке заворковали короткие сигналы.

Странное послевкусие откликнулось в душе – новые пилюли ксанакса пробуждали тягу к алкоголю, и вместе с ней замороченные результаты. Я знал какие – поразительные галлюцинации, одновременно жуть и кайф, и назвал их «глюки», или попросту «приходы». Ох, как мне было клёво! Даже решил не советоваться с психологом! Боже праведный! Этих приключений хватило бы на книгу! И не одну. Может быть, напишу.

Глава 2. Мания Грёз – Любые просьбы и пожелания

Отложил в сторону Книгу. Все десять заповедей из скрижалей. Боже Праведный, каюсь. Клятва мистера Сантера исполнить мечту разбередила душу. Утроба сладко заняла в ожидании перемен. Что греха таить – калеки реагируют на события во сто крат острее здоровяков. И я подготовился, собрав в конце второй недели ожидания дорожную сумку.

Вулкан эмоций от глубин ада до высот рая бурлил во мне. Я терпеливо ждал известий – пока не выдохся ждать. Галлюцинации – на них списал звонок из «Fallow Your Dream» и тотчас вытравил из памяти. Но вышло – зря, как раз к исходу третьей недели Джон Сартер позвонил снова и пригласил меня в свой офис «на инструктаж с последующим забросом в Ватикан». Надо же! Из невообразимого числа американских спинальников, шейников, тетра- и параплегиков в лотерее воздушных замков счастье выпало именно на моё имя! Невероятно! Казалось, с тех пор как мне достался Грустный Слоник, мечтать стало не о чём. И вот, пожалуйста – Папа Римский из Ватикана! Я вкинул таблетку в рот и хлебнул пива, будто смесь ксанакса с алкоголем стала догмой. В голове пронеслись пыльные смерчи, пляшущие на ветру. Мысли то цеплялись друг за друга, сворачиваясь в колючие веретена, то рассеивались, расщепляя изнутри череп. Кажущееся обыденным прихотливое стечение обстоятельств, иногда случайная нелепость. Скажете – лотерея!? Попробуйте вообразить себе счастливицу, раз за разом отхватывающего первый приз в розыгрыше! Ну как, сумели? Ещё вчера отрицал бы, но сегодня я ни в чём не уверен. Всё возможно. Окружающий нас мир – часть вселенского механизма, запущенного или остановленного тем, кто имеет на это право... приобретённое от самого себя. Происходящее со мной неизбежно, ибо решение принято Им. И всё, что выходит, можно представить Ему. Значит, долой лишние нравоучения и мораль. Без транквилизаторов, то бишь, транков, я бы давно вскрыл себе вены и отпустил душу на волю...

– Люк!

Литавры в моей голове затеяли язвительный перезвон. Голос Аклы продирался сквозь «Гамбургскую траурную музыку», испечённую духовыми, ударными и кучей струнных, оставляя смысл слов за кормой восприятия. Уши застлал грохот – громогласный, как ядерный взрыв «Толстяка» над японским городом Нагасаки. Когда литавры умолкли, стало нестерпимо тихо.

– Родной, ты ни в чём не виноват! Зачем же себя так терзать? Так ненавидеть? Губить? Разве мало придурков, способных на это вместо тебя? Послушай меня, Люк...

Лицо Аклы смазлось, вытянулось и растеклось в перспективу. Чтобы избавиться от наваждения, я боднул лбом пространство. Проклятье! Пиво насквозь прогоркло! Надо было брать чешское! Американцы разучились варить «Будвайзер»! Слёзы Аклы покатались по полу исчезающими горошинами, казалось, их таскали в подпол приبلудные мыши. Укоризненно застучала барабанная дробь, загнав меня в дальний угол:

– Почему ты себя так ненавидишь?

Гадкая фраза, где-то я её слышал, один к десяти, что недавно. Прищурился на своё отражение в окне. Какой простор для человеколюбия! Вот истинная свобода любить... Или ненавидеть... Чувство слишком великое, чтобы воодушевлять им такое пугало, как я... Взгляните, это Люк Роелс... собственной персоной. Ему вполне достанет брезгливости и презрения... Даже с избытком... От безысходности я коснулся манипулятора – но Грустный слоник не тронулся с места...

– Не волнуйся... – всхлинула Акла, – это я вынула батарею.

– Ты...! Какого чёрта!!! Кто просил?!

Она всхлинула. Тогда я запустил в неё бутылку. К счастью, промазал. Посыпалось стекло, рахитичной медузой поползла по стене пена.

Когда я, будущий программист, но в те времена студент «Long Island University», вернулся из клиники домой, Акла, девушка с фундаментальным бюстом, внушительным задом и пикантными оспинками щёк, впала в грех, коим страдают многие женщины при таких подробностях. Она утопила калеку в патоке усердия и забот. Сдувала пылинки, меняла «пелёнки», баюкала, как младенца: «Спи, мой мальчик, я тебя не оставлю». И даже предусмотрительно плакала. Жалела. Жалела до позвоночных колик, до икоты, пока не вжилась в образ всепрощающей мамочки – её ненаглядной Святой, во плоти Марии Магдалины де Пацци, прозевав моё созревание в кухонного деспота. Меня раздражало всё: уведённый от кровати Грустный Слоник, разбросанная обувь, превращавшая квартиру в ковбойский полигон, забытая на верхней полке упаковка любимых хлопьев. Простушке Акле мелочи быта казались мыльными пузырями, не достойными переживаний. Её неразборчивость, обратная сторона чёрствости, бесила и я постепенно черствел сам, подобно хлебному ломтю, забытому на столе. Злость пожирала изнутри, но старался терпеть, страстно желая, чтобы Акла сама догадалась о причинах моего негодования. Куда там! Подобное понимание приходит с годами и с горьким опытом... Но зачастую непоправимо поздно...

Захватив сумку, я выкатился из квартиры, как только потерявшая душевное равновесие Акла вставила в блок питания батарею. Исчез, не прощаясь. Постоял перед дверью лифта – где-то выше не торопились его отпускать. Сжав зубы, тронул пальцем манипулятор, Грустный Слоник, плавно развернувшись, подобрался к кромке. Два пролёта по двенадцать ступенек. Будь, что будет, такая сегодня струя! Развернувшись спиной к спуску, я привалился животом к коленям, одной рукой уцепился за перильце, другой дал задний ход. На самом деле, предосторожности потакали страху, ведь мой Элефантик знал своё дело. Ему по-фигу – взлётная полоса, брусчатка с бордюрами, или пролёты лестниц.

Офис «Fallow Your Dream» находился неподалёку, в пределах разумного, и я решил отказаться от подвозки. Захотелось побыть одному посреди города. Посмаковать подлинность одиночества. Спокойно рассудить, что мосты сожжены. Этот вердикт, если и не имел разумной подоплёки, всё же позволял подстраховаться, обнадёжить себя. В багажной сумке лежали несколько упаковок транков, сменные катетеры, презервативы, деньги и сигареты. В специальном отделении отдыхали сменные батареи. Остальные незаменимости остались дома, в холодильнике на видном месте. Распрекрасная Акапулька увидит их и поймет. Но если не поймёт, ударится в панику, изведёт фирму телефонными звонками, закатит скандал социалам... Кто её знает... Но, может быть... вздохнёт облегчённо и с головой окунётся в фитнес, чтобы слегка похудеть...

Бывалому колясочнику и километр пути – каторга, зато Грустному Слоннику сущий пустяк. Не ясно? Тогда натужьте свои извилины, мыслители, вот вам задача. Если порыв ветра оборвёт листву в парке, какова, по-вашему, вероятность, что листья, падая, улягутся на земле во фразу: «Боже, храни Америку»? Что, слабо догадаться? Так и быть, ответу – колоссальнейшая в сравнении с возможностью любого события.

Грустный Слоник деловито покрывал асфальт армированной резиной. Редкие прохожие отводили глаза от калек в оранжевом берете, белоснежной рубашке с жабо, краплёным блестящей, шотландском килте в крупную клетку поверх лосин с наброском скелета и в беговых «Найках», давно вышедших из моды. Очень раздражали конфузливые взгляды. Пришлось свернуть в арку между домами – благо, что Грустный Слоник чихать хотел на препятствия. Без него я был заурядным колясочником. Бордюрные камни представлялись отвесными скалами, и прогулки на свежем воздухе ограничивались бетонным пятчком возле дома. Изредка, втихаря от Аклы, подкрепив плоть лишней таблеткой ксанакса, я бросался в атаку против... своей убогости, нахраписто, вроде конкистадоров в погоне за добычей. Они-то держались в сёдлах, как влитые и, по представлениям индейцев, составляли с лошадьми единое целое – навевающие ужас двуглавые существа. Со мной всегда случалось наоборот. Выдохнув, я становился на дыбы

у края и, закрыв в страхе глаза, подавшись вперёд, решительным толчком прыгал вперёд и вниз. Порой приземлялся на все колеса, но, случалось, переворачивался и тогда долго лежал, дожидаясь помощи. Иногда приходилось успокаивать чрезмерно отзывчивого спасителя, когда он суетливо хватал меня, как придёт, пытаясь поставить на ноги или затащить на ускользавшую коляску.

И тут-то я почувствовал неладное. Чистенький бомж, прижавшись спиной к зданию, просительно протягивал руку. Носовой платок у его ног прижимала к тротуару кучка монет. Я бросил туда свою. Он не опускал свою руку – единственную, и экран мобильного светился в ней. Никлый, пустой рукав подтверждал её отсутствие.

– Дай ещё монетку, брат, – попросил он.

Я зарылся в сумку, поглядывая на экран. Он протянул руку поближе:

– Глянь заодно... Потеха... Вчера снял как раз здесь, где сейчас...

Я посмотрел. Странная процессия двигалась на экране – то ли массовка для фильма ужасов, то ли шествие ряженных на Хэллоуин. Они брели парами, четыре пары, одна за другой, ряженные, как на карнавал. Впереди ковылял гигант – ни очки в золотистой оправе, ни костюм идалго не смягчали его наружности. На груди болталась пустая, без холста, рама. Под руку семенила изящная женщина – она выглядела шестнадцатилетней на годы вперёд. Во второй паре густо накрашенная испанка тащила за руку малыша – он упирался, то и дело роняя с плеча раму, в точности такую, как нёс идалго. Третья пара, как будто, врачи – молодой ассистент придерживал пожилого осанистого мэтра. Позади всех девочка с пятнистой, как у ягуара кожей, осторожно влекла за собой юношу в индийском пончо. Я присмотрелся – его фигура возбуждала сострадание и могла претендовать на жуткое сходство со мной. Откопав в портмоне залежалую монетку, хотел было бросить на платок, но совсем некстати почувствовал грубый толчок и обернулся. Передо мной стоял верзила, с интересом ошупывая меня взглядом. Он был так похож на того рекламного гиганта с рамой без холста, что я подумал – не накатился ли очередной приход. Взгляд его пробирал меня насквозь. В нём не промелькнули ни жалость, ни презрение, и, положив руку на сердце, я был благодарен ему за это. Наконец, мне досталось свеженина вместо постылого бренда «несчастливого инвалида». Bravo, я – жертва! Я завоевал их мир!

От образины разило духами и кислым потом. В голубоватом створе глаз кувырчалось сомнение: снять с чучела украшение и отпустить, или снять, но сначала стукнуть по затылку. Мою гусиную шею украшала цепочка, подарок Аклы в годовщину совместной жизни. Я покорно поднял подбородок, и он протянул пятерню. Небрежно стащил добычу. Сжал в кулаке, подбросил и словил. Ослабилась, всё так же молча развернулся и отошёл, переваливаясь с ноги на ногу, как хромой селезень. Беспородный ублюдок! Наследственный говнюк!

Бомж, потупив голову, пробормотал тоскливо:

– Гнусный подонок. Его здесь все знают. Недавно отобрал у меня дневную выручку Рак ему в печёнку...

Его надтреснутый шёпот задел меня за живое, зацепил тонкую струну. Так и вскипело вразумить парня, обломать, как следует, и я сказал тихо, так чтобы он услышал:

– Братишка, давай взгляни сюда! Чудак, ты стоишь на своих двоих – радуйся! Перед тобой целый мир! Ты можешь взять и запросто побрызгать на тротуар! У всех на виду! Ну? Что? Разве не клёво! Хочешь, махнёмся? Я готов. Хоть на минуту... Разомну ножки...

Процессия удалялась, пока не свернула на перекрёстке. Мне предстояло ехать туда же. Я ещё с минуту оставался на месте. Что это было? Глюки? Или на самом деле? Эй, мне не примерещилось – меня точно ограбили! Я засмеялся, трясаясь от омерзительного озноба. Цепочку венчал медальон с профилем Акапульки, моей пышечки Аклы. Как символично! Раз нет цепочки, значит, нет дороги домой! Значит, только вперёд! На аудиенцию с Викарием Христа из Ватикана! Ясное дело, добром она не пахнет. Тут главное не облажаться, когда сам Папа

Римский возложит на голову длань для благословения. Здесь важно вовремя ущипнуть себя за живую плоть повыше бесчувственной задницы. Мои ноги и ягодички можно ковырять шилом до второго пришествия или до появления спаситки, до едва ощутимых фальшивых колик, чёрт бы меня побрал вместе с ними!

Здания на семьдесят седьмой улице жались одно к другому, как хохлатки в дождь. С трудом распознав номерную табличку, я замер. Остолбенел перед монументальной неприступностью ступеней! Какой болван их придумал! Настоящие Кордильеры! Анды! Монблан! Чтобы оказаться наверху, придётся взять их с десяток, отвесных, как лестница Якова к небесам. Невероятно, воистину «Follow Your Dream»... Но нет, господи, простите! Мои затуманенные ксанаksom и алкоголем глаза не сразу разглядели пандус, позволяющий бедолагам закатить наверх свои рондо.

Появление конкурента не произвело впечатления на публику в холле. Разве что Грустный Слоник удостоился завистливых взглядов. Даже среди соратников по несчастью я оказался одиноким. Толпа собралась разношёрстная: дюжина спинальников, троица шейников, один из них точно трансвестит, другая – молодящаяся матрона. Остальные – законченные паралитики. Я безапелляционно обвёл взглядом везунчиков, ошастливленных лотереей «Follow Your Dream». Любопытно, что за мечты обещал осуществить Джон Сартер! Кое-какие я взялся бы отгадать. Владелец Грустного Слоника в глазах «имеющих затруднения» мечтателей венчал иерархическую пирамиду их сообщества. Кому из них не хотелось стать значимее! Вообще, Всевышним над всеми! Мне нынче не втюхать, что ощущает полноценный человек при ходьбе, так и «кваду» не дано осознать свободу движений, подаренную Элефантом. Когда я впервые увидел Грустного Слоника, улыбка на моём лице уподобилась восходу солнца.

Не успел я как следует насладиться превосходством, как ко мне вырулила на своих двоих (да каких!) блондинка приемлемых лет. Розоватый блузон с запредельным декольте оставлял полоску тела над чёрной юбкой, едва приоткрывающей колени. Бесподобно! В каком журнале мод ей удалось присмотреть эту припадочную коллекцию! Искусно задрапированное лицо дышало любезностью так слащаво, что нестерпимо захотелось обдать его кислейшим из лаймов.

– Мистер Роелс? – спросила она с восхитительным придыхом.

На всякий случай я решил умерить её прыть:

– Имею от мистера Роелса нотариальную доверенность на встречу с Его Святейшеством... С Папой Римским, Викарием Христа из Ватикана.

Её глаза расширились, и она стала похожей на сову, обречённую снести страусиное яйцо.

– Шутка. Люк Роелс перед вами, – пожалел я её и, чтобы скрасить неловкость, показал удостоверение. Просроченное водительское, из прошлой жизни. Оно произвело гуманное воздействие. Дама, словно, разрешилась от страусиного бремени, издав избавительный возглас. Но, увидев на моём лице понимающую улыбку, сумела взять себя в руки.

– Ивонна, ваша сопровождающая, – прошептала она, протянув ухоженную кисть для заключения мира.

Я жжал её пальчики. И так? Ивонна придвинула стул, села напротив. Наверняка изучила «Американскую декларацию независимости инвалида».

– С этого момента и до конца путешествия я буду в вашем распоряжении. Любые просьбы и пожелания...

– Любые? – невинным тоном поинтересовался я, прикипев взглядом к откровенному вырезу блузы.

– Любые, – без рисовки подтвердила Ивонна, бледно рдея. Доказательно закинув ногу за ногу, поставив меня на место белизной трусиков. Пришлось покраснеть в ответ.

– Значит, мистер Роелс, станем считать, что познакомились и понравились друг другу.

Теперь, когда Ивонна расслабилась, наши глаза сошлись на одном уровне. Тонкая, едва заметная сетка морщин на её лице, заключала в плен серые, в опахалах роскошных ресниц, глаза.

– Вылет сегодня в двадцать ноль-ноль из «Кеннеди». В мероприятии восемнадцать участников с ограниченными возможностями, восемнадцать сопровождающих, пять переводчиков и старший координатор... он же идеолог акции мистер Стив Ферроу.

Я упорно пожирал взглядом роскошность в декольте и предполагал одно из двух – либо получу пощёчину, либо отделаюсь нахлобучкой. Мне было по барабану, сколько переводчиков участвует в их голубиной акции. Но имя идейного вдохновителя показалось знакомым. Видал я таких клоунов! В Америке их как саранчи! Пока я, покалеченный, изнемогал в больнице, вынашивая суицид, эти предприимчивые пираньи вынюхивали, кто виноват, и в какие деньжата выльется отмазка. Ведь со мной случилось необъяснимое. Я помнил до мелочей, как собирался на встречу, как произошла авария, в какую привезли клинику, даже лицо водителя погрузчика, будь оно неладно. Зато месяцы больничных будней вынесло из сознания, словно селевым потоком. Я даже не пытался вообразить, что происходило в чёрном провале. Мироощущение вернулось ко мне позже, после «внесознательного» периода, когда настало время реабилитации. Впереди траурными вехами маячила новая жизнь. Но жить не хотелось. У всех нас, потерянных, утративших привычные физиологические функции, мир воссоздавался в мрачных тонах. И в нём, как в неволе, как в разнузданном бессердечном рабстве, просто так, «за бесплатно», ничто никого не вдохновляло. Пришлось довольствоваться тем, что осталось. Жизнь ковляла на ходулях.

После выписки из клиники меня время от времени приглашали в реабилитационный центр. Осматривали, ощупывали, делали смертельно надоевшие проверки. Я получал свежие рекомендации, точь-в-точь повторяющие предыдущие, и вдобавок очередной рецепт на лекарства, наименования которых затвердил наизусть. Как раз за неделю до первого звонка Джона Сартера, меня очень обрадовали – выпущен новый, сильно продвинутый ксанакс, именно этот надо просить в аптеке, не путая с предыдущим. И принимать строго два раза в сутки. Я немедленно отправился в аптеку – ту, что указали в рецепте.

Фармацевт посмотрел на меня пристальней обычного и выдал упаковку.

– Почти одинаковая с прежней – удивился я, – в чём прикол?

– Там поперёк радуги штамп «VIRT-VIA-Z». Редчайшее лекарство, продаётся только в двух аптеках Нью-Йорка. Строго по именному назначению специалиста. Очень результативная модификация...

– Наверное, есть принципиальные отличия? – спросил я, ведь хотелось разузнать побольше, – с каким, например, сочетается питанием?

– Противопоказания безобидные... К пище и питью вообще отсутствуют... Диета свободная, – солнечно улыбнулся он и, немного подождав, отошёл к следующему клиенту.

Как я возликовал тогда! Господи! Теперь мне ничто не угрожало стать добросовестным пациентом. «Класс! Свободная диета! Это значит... Ограничений нет!» – подумал я решительно и тут же велел Акле купить ящичек пива, разумеется, «Будвайзер»... И чуть погодя обнаружил, что новые таблетки ксанакса имели изумительные свойства. Они вызывали непритворные чувства, глюки и ощутимую боль – даже в парализованных ногах.

Я развернул Грустного Слоника в пол-оборота, чтобы видеть обоих – Ивонну и шустряка Ферроу. Чуть сутулый, вглядь выбритый, с хитроватыми глазками. Мне показалось, что мы виделись раньше, но грудь Ивонны притягивала больше.

– Ведущая реалити-шоу «Follow Your Dream», несравненная София Феррари, – с пафосом объявил он, потрогав на шее бабочку в бриллиантовой чешуе.

Назойливые операторы отвлекли меня от созерцания декольте Ивонны. Они-то зачем? Каждый «мечтатель» получит в награду диск. Вполне логично и предусмотрительно.

– Потребуется подпись, – я машинально расписался, Ивонна перевернула лист, – здесь и здесь.

Моя скромная подпись, кроме реквизитов банка и социального работника, снова оказалась кому-то нужна. Далее следовала подробная инструкция, как вести себя на встрече с Папой. Что можно говорить, а чего нельзя категорически. Разумеется, я воздержался читать манускрипт о правилах общения с главным духовным пастырем. Дальше в объёмистой папке комплектовалось убойное кладбище информации. Сообщалось, что подготовка к исполнению мечты займёт около месяца. Обосновывалось почему. Прилагался увесистый перечень требований, подтверждений, разрешений и согласований. Они были задокументированы, идентифицированы и, кроме исчерпывающих сведений обо мне, содержали скромные выкладки отдельных этапов работы.

Я потянулся к сумке, где хранился стратегический запас пива. Не успел – меня почтила вниманием мисс Феррари. За её голой спиной маячил коротышка телеоператор с гигантской камерой на плече. Как он умудрялся таскать на себе это сооружение, оставалось загадкой. Такое допотопное страшилище во времена революционных технологий! Не исключено, что какой-то многофункциональный монстр.

– Перед вами Люк Роелс, молодой человек, имеющий инвалидность. Он испытывает некоторые трудности при передвижении, но ему помогает восхитительная... Не нахожу подходящего слова... необычная коляска, можно сказать, вездеход, – ведущая безоблачно хихикнула, – Люк, вы нам поможете? Как называть этот замечательный аппарат, новинку техники и прогресса?

– Грустный Слоник, – заявил я, мрачняя на глазах.

– Как мило, Боже мой, как мило! Вы дадите мне прокатиться?

Меня передёрнуло. Я тронул манипулятор и покатил на телезвезду, но она не ступала. Нашлась, как выжить. Руля попкой, понеслась по кругу. Оператор гарцевал впереди, заставляя объектив держать в фокусе её лицо.

– Мистер Роелс прикован к инвалидной коляска вот уже... впрочем, не стоит напоминать ему о грустном событии в его жизни. Важно то, что он истинный католик. Мечта его жизни – получить благословение от Папы Римского. Мистер Роелс справедливо полагает, что подобная милость от высшего духовного иерарха непременно поставит его на ноги. Наш меценат мистер Ферроу исполняет любую мечту. Волнуетесь, мистер Роелс?

– Чтоб тебя...

Феррари подала оператору знак продолжать съёмку. Значит, не прямой эфир, лишнее вырежут при монтаже.

– Люк, позвольте называть вас просто Люк? Мне действительно хочется подружиться с вами. Расскажите телезрителям о том, как произошла катастрофа? Но только при условии, что воспоминания не причиняют вам боль... Только при этом условии! Договорились?

Я остановил Грустного Слоника. Было отчего. Неужели ослышался?! Она хочет, чтобы я рассказал, как умирал? Ей одной? Ей и миллионам охочих до чужих чувств ханжей! Миллионам энергетических вампиров, импотентов, давно не способных самостоятельно возбудиться. Пожирателям страданий, развалившимся в удобных креслах, набившим брюхо «Будвайзером» и бройлерными крылышками «KFC».

Вы хотели этого? Не передумали? Так получите! Хватайте! Хавайте! И я прилепившись к спинке Грустного Слоника, сперва картинно откашлялся.

– Это случилось много лет назад на федеральной трассе Нэшвилл. Я возвращался из дома престарелых, где навещал родную бабулю. Ей как раз стукнуло девяносто два, и мы все – я, две моих сестрёнки Дженнифер и Джессика, младший братишка Билли и двоюродная тётушка Энджел, решили устроить старушке сюрприз. Когда бабуля отправилась на процедуру, кажется, клизма с минеральной водой или хиропрактика, не важно, мы попрятались в её комнатушке,

хотя это, скажу вам честно, оказалось не просто. Я взобрался на шкаф, тётушка Энджел с сестрёнками в шкаф, братик, как самый маленький, умудрился втиснуться под кровать, – звезда слушала исповедь с кроткой улыбкой профи на пике карьеры, – там скопилось столько пыли, что первые минуты Билли беспрестанно чихал, пока не разнёс её по всему помещению. Согласитесь, здравомыслящие люди обязаны учиться на чужих ошибках. Мораль истории о перебитом позвоночнике банальна – зарекийтесь пугать до смерти древних старушек. Трудно представить, что произошло в седенькой головушке, но, когда сами собой распахнулись дверцы шкафа, сверху свесилась моя голова, а из-под кровати выполз на четвереньках зачуханный братец Билли, бабушка икнула, закатила глазки и почила. Штатный врач дома престарелых констатировал смерть. Мы были в отчаянии. Видавшая виды «Версо» ещё никогда не везла такой грустной компании. Музыкальный центр воскрешал печальное адажио из Аранхуэзского концерта. Глаза застилала слёзы, это, впрочем, и позволило немного отсрочить развязку. Я плохо видел дорогу, и, когда первый бак скатился на полосу, непроизвольно дёрнул руль вправо, съехав на обочину. Бак столкнулся с чёрным, тонированным «Мерседесом», мчавшимся на огромной скорости. От удара автомобиль понесло в сторону, он подлетел вверх, чиркнул колёсами о крышу «Версо» и рухнул на деревья. Мне бы понять предупреждение свыше и остановиться, но скорбь по кончине близкого человека застлала разум.

Тогда я ещё не знал, что в полёте «Мерседес» срубил вершину шестиметровой сосны, из него выпали трое несчастных – двое погибли на месте, третьего, юного альбиноса привезли в клинику в коме. После продолжительного лечения он выжил, но, несмотря на усилия врачей, потерял способность ходить. Мы было сдружились, но ненадолго, парень не справился с депрессией и покончил с собой, направив инвалидную коляску в Ниагарский водопад...

Три таблетки ксанакса с алкоголем – чересчур даже для опытного наркомана. Я говорил, София Феррари молчала, не замечая, что застыла с открытым ртом. Телевизиончики тоже не двигались, не говоря уже о моих несчастных братьях. Слова изнутри рвались на волю, будто меня обкололи настоем из самой истины, если, конечно, такая смесь не выдумка для ФБР. Три таблетки ксанакса и сверху алкоголь развяжут язык кому угодно. В том числе и мне. И я заговорил снова:

– Скатившийся с грузовика второй бак обратился в трамплин для раритетного «Мустанга» восемьдесят второго года выпуска. Красавец шёл метрах в пятидесяти от меня и, встретив препятствие, юрко взмыл в воздух, пронёсся в воздухе сорок четыре метра и угодил в кабину «Петербита», где пожилой чернокожий дальнбойщик в тысячный раз наслаждался видеосъёмкой знаменитой речи Мартина Лютера Кинга со ступеней Мемориала Линкольна. На словах «У меня есть мечта...» злосчастный нигер отвлёкся от дороги и не смог избежать катастрофы. Гигантский «Петербит» перевозил сотни ульев, в которых мирно сосуществовали тридцать миллионов пчёл. В это время года в Теннесси душно, и большинство автомобилей ехали с открытыми окнами. В тот день старуха с косою собрала изобильный урожай. Дорожным службам понадобилось три дня, чтобы очистить трассу от мёда. Поклонник Кинга и свалившийся на его голову водитель «Мустанга» погибли вместе среди искорёженного железа. Третий бак достался джипу «Эксплорер». Удар оказался такой силы, что крепенький внедорожник распался на части, из него вывалились три чернокожих ребёнка. Водителя обнаружить не удалось, видно, сбежал, убоявшись ответственности. К слову, им оказался известный педофил, чьё имя по сей день возглавляет списки разыскиваемых во всех штатах преступников. Так вот, чтобы не сбить одного из мальчишек, я крутнул руль влево и встретился с четвёртым, последним баком. Результат... Ого! Вот он перед вами...

Тут я умолк, поклонился и театрально прикрыл глаза ладонью. Мой горестный жест усилил впечатление. Тишина уравнилась минуте молчания.

– Но что было в баках? – неожиданно спросил оператор, ошарашенный рассказом и позабывший, что в его работе требуется острый глаз и короткий язык.

– Вы не поверите, господа! Но я должен признаться! Там была... Там была... Чёрт побери! Там была бычья сперма! Грёбаная бычья сперма, стоимостью в сто тысяч долларов!

– Всё это правда? – подозрительно спросила телезвезда, обладавшая по роду занятий известной долей скептицизма.

– Нет, конечно... – ответил я с таким вязким сарказмом, что все наверняка подумали противоположное. Именно поэтому воцарилась тишина, и я тронул ручку манипулятора.

Мисс Феррари успела ретироваться, не то ей пришлось бы вплотную познакомиться со Слоником. Больше меня не беспокоили. Лишь Ивонна заботливо косилась с безопасного расстояния. В походной сумке, притороченной к борту, отыскался пузырёк «Барбовала». Препаратец исправно успокаивал нервы, расшатанные ксанаксом, алкоголем и человеческой всеядностью. Я отсалютовал флакончиком Ивонне, она нахмурилась, поджала губки и отвернулась. «Ну, сучка! – неожиданно разозлился я, – а ещё божилась, что исполнит любое желание», – и вылакал половину флакона. Мерзкое послевкусие! Я с трудом сдержал рвотные позывы – не хватало облажаться перед почтенным обществом. Вскоре меня накрыло спасительное облако индифферентности, позволив покинуть реальность...

Рейс «Трансконтиненталь»

Глава 3. Мания Грёз – Мадонна южноамериканских кровей

Сквозь завесу индифферентности слышалась ругань грузчиков, пытавшихся справиться с Грустным Слоником. Откуда им знать, что на обоих подлокотниках размещались страховочные кнопки – если утопить их вместе, можно легко управлять вездеходом.

Я напрочь увял после «барбовала» и не взялся бы рассказать, как нас грузили в спецтранспорт. Дорогу в аэропорт «Кеннеди» помнил смутно. Осознанность вернулась после таможенного досмотра, перед посадкой. Но и тогда не в полной мере – урывками в два-три кадра. Парочка чернокожих громил в аэропортовской униформе выдернула мою тушку из объятий Грустного Слоника. О мои ощущения моллюска, лишённого ракушки!

Вскоре мы дождались заветного часа. Нас, ражих охотников за «синей птицей», распилили по креслам, как первобытных Пульчинелл. Ивонна пристегнула меня ремнём. Боинг, урча словно кот, начал разбег. Оторвался. Уши заложило, содержимое желудка отозвалось в поисках аварийного выхода.

– Париж-Париж, – томно вздохнула Ивонна и, видно, от избытка чувств, вполне естественно положила голову на моё плечо.

Я собрался было заявить девушке о нарушении моего жизненного пространства, но почувствовал предплечьем потрясую округлость её груди. Как раз хотел полюбоваться прихотливостью «Большого яблока» с высоты птичьего полёта. Обеспокоить даму в такой чувственной эмансипации ради того, чтобы заглянуть в иллюминатор, кощунство даже для закоренелого колясочника. Ко мне слишком давно не прикасалась женская грудь, разумеется, кроме наскучивших сисек Аклы. Я скосил глаза на профиль Ивонны – с первой минуты знакомства меня не покидало назойливое ощущение. Я чувствовал, будто мы знали друг друга раньше. Вылитая мадонна южноамериканских кровей. Честно сказать, она имела поразительное сходство с Акапулькой, за вычетом, пожалуй, килограммов тридцати живого веса.

Боже Праведный, только не сейчас. В расслабленное сознание ворвались раскаты грома. В голове взорвалась космическая петарда. Обречённо забубнили литавры. Что на сей раз? Кажется, девяносто четвёртая симфония Гайдна. Подобные метаморфозы начались после несчастья, когда я лежал в больнице в прострации и надеялся на чудо. Любой фортель организма воспринимался, как очередное начало. Я даже проконсультировался с музыкантом, промышлявшим в клиниках дешёвой клоунадой. Напел ему мелодию. Тот мгновенно опознал Гайдна. Некоторые партии записал, обещал (врал, наверное), что исполнит в Карнеги-холле. Как ни абсурдно в моём положении, но тщеславие мне помогало. Отвлекало от самосозерцания.

Глава 4. Мания Грёз – Ты помнишь, где живёшь?

Мне стало не до самосозерцания. Невероятно! Грустный Слоник осиротел под музыку Гайдна! Ивонна, вальсируя, уменьшилось до размеров пчелы и бесследно исчезла. Как не спать! Я стоял! Стоял на своих двоих у зеркала! Отчаянно щипал себя за ягодицы, за пах, за бёдра и телом чувствовал не спастуку, не тупые колики, а настоящую, упрямую, живую боль! Господи, даже если это галлюцинация – оставь её при мне! Хоть ненадолго! Как вникнуть? Во что поверить? Сумрак и теснота! Это они виноваты. И это зеркало! В нём я разглядывал отражение – оно повторяло меня, мои чувства, мою солёную радость. Я восхищался своим телом. Невысок, плотен и кряжист, как Перуанские Анды. Что дальше? Куда себя деть? С трудом натянув джинсы на отощавшие без движения бёдра, я влез в футболку с символикой Мюнхенской «Баварии». Поверх набросил цветное пончо. За моими манипуляциями из тёмного угла наблюдала моя сестра. Девочка с пятнистой кожей. Девочка-леопард. Девочка-ягуар. Ощутил, что из-под века к уголку рта поползла капля, такая прозрачная, что не нашлась в зеркале. Я на мгновение замешкался, сразу же замедлились движения и стали бесцельными. Растерянно оглянулся.

– Ах, да... Родольфо... Бриллиантин в шкафчике справа. Как всегда. Большая пластиковая коробка белого цвета с профилем Диомедес Диаз, – пришла на помощь сестра.

Новая невидимка пролилась по щеке. Ничего не оставалось, как обиженно хлопнуть себя по бёдрам.

– Кто мог её туда сунуть... Наверное, я сам, но забыл... Или ты, но тоже не помнишь...

Девочка непринуждённо улыбнулась. Вот как! Она почему-то напомнила мне пятнистую кошку. Никто не трогал её котят... Куда они подевались? Вот чем повеяло!

Снова захотелось убедиться, ущипнуть себя за ногу, но вспомнил, что её хоть пробуй ножом, всё равно ничего не почувствуешь. Пальцы, опережая мысль, попытались сжать кожу, но не справились с джинсовой тканью. Я опустил глаза – нога ощущала тепло. Спазм перекрыл дыхание. Я... я... я действительно стоял! Стоял на своих ногах!

– Фофо, опять? Родольфо!? Неужели это случилось!

Слёзы сестры, пятнистой девочки, хлынули бисером. Она бросилась ко мне. Но это была не она! Прямо на меня неслась огромная хищная тварь, защищавшая своих детёнышей! Меня в лёд сковал ужас, но я спохватился и бросился наутёк. Помчался со всех ног, то и дело оглядываясь назад – не преследует ли меня пятнистая смерть. Она отстала, потеряла след. Утомившись, остановился. Как и когда успел оказаться здесь? Незнакомое место. Где-то в горах, не обжитых людьми. На секунду показалось, что я – вовсе не Родольфо, что я приторочен к креслу и Акапулька смотрит на меня в иллюминатор... Затем рёв турбин унесло попутным смерчем. Я ухнул вниз. Пробил толщу облаков, казавшихся сверху свадебным войлоком, способным смягчить падение. Земля приближалась быстро. Я забился в истерике, охватывая воздух руками, и неожиданно ощутил, что пространство обретает плотность. Руки покрылись белыми перьями и превратились в крылья. Я плавно спускался, наслаждаясь полётом. Кто-либо в своей жалкой жизни испытывал оргазм? Хоть раз? А десять? А сто? А тысячи одновременно и один за другим – бесконечно, без права на передышку?

Внизу под золотым деревом, задирая кверху морды, переминались с лапы на лапу, два исполинских тигра. Я спланировал на золотую ветвь, с непривычки вцепился в неё когтями, радуясь новизне. Металл приятно охлаждал пальцы. Тигры не раздумывая, одновременно заматали головами в синхронном отрицании. Как маятник: тик-так – ещё нет, тик-так – ещё нет, тик-так – ещё нет. Ничего не оставалось, как разочарованно расправить крылья и взмыть ввысь, взбивая воздух крыльями. Выше. Ещё выше. Ещё... Неправда, что небо недосыгаемо. Скоро я коснусь его крыльями.

Внизу дерево чистого золота. Над ветвями два исполинских тигра, как два маятника: тик-так – ещё нет, тик-так – ещё нет, тик-так – ещё нет. Воздух пронзили калёные лучи. Постепенно заполнили пространство. Летать стало тесно. Я всё понял. Птицы извечно знают, что ведаёт Отец.

– Кто? – голос пробуравил пространство тысячами пустот.

– Потомок Аклаинки, – знание неправильных ответов отозвалось во мне мгновенно.

– Верно. Время не настало. Ты не всё увидел. Храни путь в тайне!

Тогда я разместился на шее отца, свесил босые ножки и растаял от восторга. Рядом, радуясь, шла мать. Оставаться самим собой стало невыносимо. Позволил себе раствориться в детском счастье. Но оно, как миллионы подобных чувств, оказалось мгновенным. Только что млел на отцовской шее, но папа вдруг обратился в левую ногу, мама, смеясь, в правую. Я закачался, как новичок на ходулях, едва не упав навзничь. Меня поддержал пожилой человек, похожий на доктора, что приезжал в наш город год назад.

– Юноша, ты помнишь, где живёшь? – участливо спросил он.

Утвердительно кивнув, я улыбнулся, почувствовав рядом опору. Ухватился за широкую ладонь и нетерпеливо потянул. Доктор на мгновение замер, но я не позволил ему ждать второго пришествия. Очень хотелось домой, к родителям.

– Осталось недалеко... Мама с папой давно дома. Они волнуются и будут меня ругать... Им нельзя нервничать, иначе они потеряются и не попадут домой.

– Фофо! Фофо! – услышалось сквозь гул самолёта...

Я с трудом открыл глаза. Ничего не скажешь, приبلудилось. Глюки. Надо притормозить с транками. Хотя... сколько мне осталось? Передо мной на колченогом табурете сидела моя сестра, девочка-ягуар. Жёлтые, круглые зрачки тускло мерцали в полумраке крошечной комнатки. Слезы-алмазы крупными каплями дробили дощатый пол. Голодные мыши утаскивали их в подпол.

– Что с тобой, брат? Расскажи... Не молчи... Не оставляй меня одну, Родольфо...

Стало невмоготу, и нужно было уйти, чтобы продолжить.

– Не плачь, сестрёнка, – обнял её, прижал заплаканное личико к груди. Пончо быстро промокло, обжигая тело горем ягуара. Сделалось одиноко. Захотелось прошептать в подрагивающее ушко с кисточкой шерсти на конце что-то ласковое: «Я люблю тебя, сестричка, но Там, за перевалом, меня ждут... Разве не помнишь? Эти два тигра... Там вечность, а здесь я всего лишь кокон, сотканный из боли». Мой отец превратился в ногу, мать во вторую... Сам я остался без ног... С сумбуром в сознании... С рёвом турбин самолёта в ушах...

Глава 5. Конкиста – Наверху нас ждут пациенты

Рёв турбин самолёта обручем сжимал голову. Пока борт IB-6583, снизившись, тянул к аэропорту, профессор Хайме Пилар Пинто разрывался между двумя искушениями. Первое – задремавшая у его плеча мадонна южноамериканских кровей, другое – иллюминатор, нацеленный на одну из противоречивейших южных столиц. Припасть к нему, обеспокоив даму, выглядело кощунством. Наслаждаться восхитительной округлостью, прижавшейся к локтю, грозило упустить сверкающие небоскребы, величественно-чопорные дворцы, особняки и весь старинный центр, выточенный в колониальном стиле. Хайме Пилар справедливо избрал женскую грудь. Полёты в Боготу случались намного чаще. Напоследок, в течение ещё получаса, пока самолёт не приземлился, профессор Хайме Пилар Пинто млеет от присутствия попутчицы. Мог ли не восхищаться ею мужчина, дождавшийся старости, никогда ранее не выдавший рядом женщины привлекательнее этой. В нём и впрямь пробудилось осязание единственного, неповторимого во все времена образа.

Встречал профессора расторопный ассистент, незаменимый на протяжении последних четырёх лет. Глаза его заразительно блестели: здесь либо новая подружка, либо неожиданное развлечение. Наблюдение профессора оказалось пророческим. Продолжение путешествия откладывалось на завтра. Сегодня бесстрашные рыцари Колумбии сразятся с быками-монстрами.

Корриду Хайме обожал и, хотя в юности сумел преобразовать природную агрессию во врачебное ремесло, отказать себе в удовольствии не смог.

– Эх, Альберто, а ведь наверху нас ждут пациенты, – сказал сокрушённо, протискиваясь в услужливо открытую дверцу автомобиля.

Тот картинно развёл руками, улыбаясь скорбно и виновато.

Стадион замер, изумлённый неистовством быка, не позволившего вогнать в свою холку ни единой бандерильи. Такое оскорбление могла утолить только кровь. Матадор спешился, обнажил мулету. Баритон профессора Пинто слился с многотысячным рёвом толпы, оценившей честь, достоинства и унижение рыцаря. Теперь ничто не мешало выбору. Смерть на острие шпаги тореадора, смерть на кончиках бычьих рогов. Первым разъярился бык, взрыл ногами песок и воздел фонтан пыли. Её подхватил налетевший порыв. Швырнул в глаза. Зрители скукселись до мышиных размеров и с мерзким писком кинулись в рассыпную. Костюм запорошило пеплом. Сначала Хайме почувствовал боль в ступнях, а уж после прочие горести пятилетнего пацана. Из ботинок на толстой подошве, подаренных как-то отцом, нога вовсе выросла, и трудно давался шаг. Мать, донна Каторса, в одежде чудом чистой, тащила за руку в сиротский приют. Единственный в городке и оттого зловещий. Отец сгинул, мать на глазах завертел водоворот жизни. Свободной рукой новоиспечённый сирота прижимал к себе полотно в искусном обрамлении, писанное на века маслом. Свирепый взгляд кабальеро с холста сквозь очки сверлил неумытые улицы, расплавленные жарой, но кто он и откуда – не рассмотреть. Слишком извилист путь малыша. Выдернул руку, сел в пыль и содрал с себя башмаки. Донна Каторса бровью не повела, дождалась и потащила дальше. Втолкнула за ворота во двор и исчезла навсегда. Затем подошёл кто-то чужой, потрогал за локоть. Хайме обернулся – знакомые, но неузнаваемые черты лица. Испуг в глазах Альберто.

– Что с вами, Хайме... вам плохо? – спросил неслышно, увлекая за собой, и профессор пошёл, ощущая через носки горячую шербаатость бетона. Присев на покинутое место, вдел ступни в обувь, брошенную под скамьёй.

– Так, усталость. Привиделось вдруг, – объяснил он ассистенту, припоминая подробности. С ними не всё оказалось благополучно, с действительностью обошлось ещё хуже. Раж корриды ударил в уши, ранее будто защищённые непроницаемыми затычками, после исчезнув-

шими вмиг. На сей раз выпал особый случай, когда всадник обязан отомстить за оскорблённую честь. Торeadор, изготовив шпагу, как дирижёрскую палочку, вонзил острие в лоснящуюся шерсть. Бык зашатался, тяжело раздувая ноздри, вздрогнул и упал. Финал праздника увенчался благородным убийством. Всё, кровавую зарубку сгладит сон, затем начнётся конкиста.

Едва забушевало сражение за главенство в небе между солнечным диском и горными пиками, джип, управляемый Альберто, уже настырно покорял вертикальную географию колумбийских Анд. Путь профессора Пинто, невролога с мировым именем, лежал в городок Параное, прижившийся на высоте, вряд ли доступной даже алчным конкистадорам средневековья. Загадочность поселения вменялась в вину жителям – несомненно, потомкам белых пришельцев, избравших столь неуютное место для печально помеченной оседлости. Обитатели Параноеса повально страдали наследственным недугом, рано или поздно превращавшим их в слабоумных, испытывавших нестерпимые физические страдания. Городок, вотчина болезни Альцгеймера, являл собою гигантский полигон, позволяющий пристально изучать её сокрушительную прыть. Проект, разработанный профессором Пинто, балансировал на грани врачебной этики. Деградация согласившихся на эксперимент носителей наследственной аномалии началась задолго до обнаружения первых симптомов и протекала незаметно. Поэтому применять опытные препараты предстояло заблаговременно, протестировав их на молодых людях. Именно молодёжь планирует завести семьи, детей. Многих ожидают десятки лет счастливой жизни, прежде чем генетический вирус разрушит их мозг. Но им предлагают рискнуть сейчас! Половине из отобранных – пилюли, остальным – плацебо, пустышку без лекарственных свойств, чей лечебный эффект связан лишь с верой страдальца в препарат. То ли русская рулетка, то ли барабан казино.

– Выше этого городка никто не живёт, – сообщил профессор истину, давно известную Альберто и прозвучавшую, как намёк о возвращении. В худшем случае, как напоминание о неминуемой смерти. Но даже незначительная победа над всесильным недугом – одно из величайших достижений в бесчисленности прочих, утверждающих силу человечности. Шаг к несомненному триумфу, ведь на кону миллионы продлённых жизней и миллиарды долларов во спасение страждущих.

Глава 6. Мания Грёз – Мистер Роелс, с вами всё в порядке?

Миллиарды долларов отдал бы во спасение души, позволь мне Всевышний подольше задержаться в своих видениях. Краски возвращения оказались так яркие и неподдельны, что я не сразу ощутил своё тело. Салон «Боинга» выглядел тесным и жалким. Калеки вызывали отвращение. Лишь мягкая грудь Аклаинки оставалась трогательно притягательной. Стоп, стоп, стоп. Акла осталась в Нью-Йорке. Я непроизвольно вздрогнул. Ивонна выпрямилась и беспокойно взглянула на меня. Допрыгался – ведь знал, что перелёт мучительно долгий, и всё же наглотался ксанакса с этанолом. Погнался за седативным эффектом вместо того, чтобы принять что-нибудь мочегонное. Результат вышел устрашающим – мне наяву казалось, что я вовсе не я.

– Вам нехорошо? – Ивонна выглядела озабоченной, я почувствовал, как моё лицо набрякло красным, уподобляясь маске индийского бога Виракоча, висевшей в моей спальне рядом с распятием. Когда случалось такое, Акла нашёптывала, что я похожу на Виракочу, как проклятые таблетки ксанакса одна на другую. Всегда поражало, как уживались в девушке матерый католицизм с верой вымерших инков. И тогда, чтобы быть квитым, я отвечал, что она точь-в-точь наш сосед-алкоголик Ромарио, только с женскими космами. Затем мы поворачивались друг к другу спиной и переругивались. Затем мирились. Она это обожала, но в последние годы мы часто ссорились, но трудно мирились. Так вряд ли могло длиться бесконечно.

Донимала язвительная дрожь. Ногами правила спастика. Ещё немного, и они могли разбудить сидевшего впереди шейника. Он летел пообщаться с Рональдо в паузе между таймами на Мадридском стадионе «Сантьяго Бернабеу».

– У вас катетер? – спросила Ивонна, словно пошла покурить.

Я покосился на её грудь, но промолчал.

– Так или иначе, – молчание её не смутило, – помочь добраться в уборную?

В проходе между креслами фланировали статные стюарды. Стоило лишь намекнуть, как моих коллег по несчастью ловко выхватывали из кресла и тащили в специализированный туалет. Боинг ревностно заботился о своём престиже и заодно о нас. Стюарды двигались по-кошачьи мягко, так, чтобы не раздавить кресла-волокуши, в которых охломоны, вроде меня, шмыгали по проходу. Кто по надобности, кто из любопытства или жажды поболтать с собратьями. Скоро движение усилилось, и стюардам пришлось взяться за роль регулировщиков.

Мне от пустой возни сделалось стрёмно. И как верить в Бога! Объясните, кто может! Будь Он на свете, сделал бы всё проще. Достигимее. Хотя справедливость, по сути, всеядное болото утопий. Проигнорировав протестующую Ивонну, я перемахнул через её колени и вывалился в проход. Вдохнул вольного воздуха, сжал зубы и на заднице поскакал к уборной, подтягивая ноги руками. Жуть, как истосковался по движению! Регулировщики едва не арестовали за превышение скорости. Учитесь, братья мои, учитесь, обломьши, кто сподобился.

У туалета стояла, сидела и лежала самая жалкая очередь в мире, но чудовищная спастика, вкупе с маской Виракоча, застывшей на лице, сделали своё дело. От многих уже подванивало, и спешить им было некуда. Воистину, королевский альтруизм – меня великодушно пропустили. На «горшке» немного отпустило, и удалось расслабиться. Осмотрелся. Слева, в притороченном к стене пластиковом кармане обнаружился толстенный журнал. Я раскатал губу на «Плейбой», но это оказался глянецовый магазин репродукций. Весь посвящённый малоизвестным холстам незабвенного Антона Мауве. Видно, кто-то из управленческих авиаглаварей посчитал, что просмотр голландской живописи на высоте в десять тысяч метров способствует оптимальной дефекации. Я допил «барбовал» и раскрыл журнал – как раз на биогра-

фии художника. Она показалась мне забавной. В шестнадцатилетнем возрасте Мауве поступил в обучение к известному анималисту. Я захохотал так, словно впервые обкурился отборного колумбийского каннабиса. Мне представился юный Мауве, рисующий с натуры любвеобильного петушка и его простодушных хохлаток. В дверь настойчиво постучали.

– Мистер Роелс, с вами всё в порядке? – раздалось сквозь символическую щель.

К чёрту Ивонну, когда здесь бушуют такие страсти! Конченный анималист научает неповторимого Мауве, как рисовать овечек! И маститая в будущем знаменитость Мауве ищет собственный новаторский стиль – безмятежно благие сюжеты, уютные серебристые тона. Похикивая, я перелистывал плотные, линованные страницы, но одна из них словно прилипла к пальцам. Экзотика! Среди животных с очеловеченными мордами, человек со звериной рожей и более того – в очках! Что за диковинный портрет! Испанский рыцарь, идалго в роскошных доспехах... Моё воображение отработало изумительный посыл. Конкиста! Теночтитлан! Теокали! Золото инков! И эта дьявольская физиономия! И в очках! Откуда взяться благородным стёклам в золотой оправе на звериной морде? Я представил себе несчастных индейцев, повстречавших этого монстра на узкой тропе в сельве американских Анд. Присмотрелся к глянцу. Подпись отсутствовала. Откуда взяться этой уникальности среди репродукций Мауве? Любопытной гусеницей поползло во мне ощущение чего-то знакомого. И сразу открылось. Отец Аклы, когда ещё помнил, как его зовут, рассказывал, что их семья ведёт род от испанцев, осевших где-то в Кордильерах лет пятьсот назад. Чем не впечатляющая зацепка, толкование забытого сна?

Глава 7. Мания Грёз – Жертва рождённого с изъяном

Разве что забытый сон, как впечатляющая зацепка. Из-за него сделалось жарко. Я поднял глаза к небу. Оранжевое солнце расплавляло сетчатку глаз. Винтом поднимался к облаку завораживающий суховей. Навстречу, вниз, оседал титанический пепел. Вздох ужаса, всеобщий и подавляющий волю, остановил биение сердца. Терзаясь в сомнениях, я опустил глаза. О да, я снова стоял! Этого не могло быть... на невыносимо стройных женских ногах. Сказать честно, мои высохшие нижние конечности мало напоминали мускулистые мужские, но эти две, вне сомнений, были женские. Перевёл взгляд на обнажённую грудь, совсем небольшую грудь не рожавшей девы. Ничего себе, обворожительный глюк!

В голове, кроме осознания иллюзии, ожила внятная подсказка, нащёптывавшая, что я делаю что-то не так. Настолько мимо, что, если не исправить положение сейчас же, жизнь подвергнется нещадной опасности. Пришлось снова унизить собственное «Я», растворившись в чужом...

Не я стоял – я стояла на травянистой низине в окружении десятков женщин. От них, от их наготы, прикрытой набедренными повязкам, пахло угрозой. Сознание подсказало суть их вызова – ты, Аклаинка, допустила святотатство, посмеив взглянуть в упор на Отца нашего Солнце.

– Человеческая жизнь высший дар, – голос Аклы, мой голос, эхом разнёсся по долине и, обдираясь о скалы, постепенно затухал, – жертва рождённого с изъяном – наш святой дар милостивому Отцу...

Разряжённый воздух, свирепый ветер Анд и ослепительный Отец Солнце, чей лик лицезреть запрещено, наблюдали за высохшим, почти мёртвым, обряженным в красное, жрецом. Жрец держал в руках басовито попискивавшего младенца, прирождённого мужчину. Жрец уложил мальчика на жертвенный камень и поднял обсидиановый нож, украшенный бирюзой и ракушками. Он едва держался на ногах – слишком долго соблюдал аскезу во всем. Давно не мытые волосы, пропитанные кровью жертв, сальными канатцами свисали до бёдер. Кончик обсидиана в последний раз отбросил злой блик, и нож вонзился в грудь ребёнка. Одним движением жрец высек бьющееся сердце и поднял над головой. Содрогающееся тельце унесли, на камень легло следующее. Рождённые с изъяном уходили из жизни первыми, уступая жизнь полноценным.

Голос Аклаинки, мой голос, заставлял трепетать сердца живых:

– Человеческая кровь даёт Отцу-Солнцу силу подниматься над горизонтом. Человеческое сердце, освобождённое из тела с изъяном, позволяет Богам оставаться Богами.

Ритуал продолжался до вечера. На закате под заунывное пение девственницы зажгли факела, собрали пробитые черепа и кости, очищенные от плоти. Повсюду росли цветы. Девушки сошли на восемнадцать ступеней вниз, минуя анфиладу равнодушных идиолов. Резко запахло разлагающейся плотью. Стены подвала темнели, будто окрашенные кровью. На полу, мешая движению, пирамидами покоились черепа. Выше зарокотали, сперва тихо, затем усиливаясь и мешая соображать, удары барабана. Везде, куда падал взгляд, валялось золото. Большие, в человеческий обхват, шары с гравировкой. Фигурки животных. Ягуар в натуральную величину. Вроссыпь украшения, нефритовые стержни, несчётные драгоценные камни. Власть сил Тьмы и рабства Демона...

Из глюка меня вывела спастика. Я поёрзал, меняя положение, и неуклюже свалился на пол. Хорошо, что со стульчака в туалете, не с вершины теокали. Ведь ещё живо чувствовались судороги извлечённых сердец. Меня стошнило на журнал репродукций Антона Мауве. Я едва успел приподняться на руках, как содержимое желудка устремилось наружу. Попытался позвать на помощь, но литавры в голове грянули так неприступно, что заглушили мой

голос. В горле запершило, будто меня вырвало царской водкой. Казалось, слово изрежет глотку в куски... В голове стучало... Безжалостная конская иноходь превращала мозг в кровавую жижу...

Глава 8. Конкиста – Высокородный дворянин из Боснии

Кое-где грязное месиво, похожее на кровавую жижу, прерывало укатанную дорогу. Лошадь, раз за разом вздрагивая и заодно отпугивая мух хвостом, понуро постукивала копытами о тракт земли басков. Что путнику на окольном пути – каменистом, запутанном, и всё же наезженном авантюристами разного толка? Зимние дожди превращали его в топь, летом дуновение ветра поднимало с обочин въедливую пыль. Кабальеро, с виду иностранец, наверняка знал, что в одиночестве на испанских дорогах несдобровать. Прогоня кишели разбойниками, беглыми каторжанами и прочим сбродом. О том свидетельствовали скелеты выючных животных вдоль тракта вперемешку с их несчастными погонщиками. Но взгляда всадника изпод поблёскивающих на солнце очков не выдержал бы и отчаянный злодей. Светлые волосы и жёстко-куцая борода подчеркивали ужас скверной физиономии, казалось, походя сеющей злобу и остервенелость. Вскоре путник приблизился к мосту, по дряхлости не уступавшему древнеримской постройке. К препятствиям топографическим добавлялись сущие каверзы на границах королевств. Арагон, Валенсия, Кастилия, Навара, Каталония – везде правил свой удельный предводитель. Местный король, обычно охочий до чужих песо. Опытным взглядом путник определил на противоположном берегу – двое неуклюжих охранников не в счёт – «потеху». Она пребывала в образе упитанного португальского еврея, и, рассмотрев путешественника, необычайно оживилась: светлые волосы всадника выдавали чистопородного славянина, а одежда и лошадь – знатный род. То и другое предвещало неплохую поживу. Ошибка, дружок – бывает.

– Дворянин – заруби себе на носу, – от менторского баса путника, казалось, волосы на голове сборщика королевских налогов зашевелились и слиплись в гребни, – не должен никому, кроме Бога.

Еврей, к чести, своей, сумев не выдать испуга, отвечив надменным фальцетом:

– И короля.

– Какого такого короля? Перед тобой Перо Далипагич, высокородный дворянин из Боснии, – прорычал путник, впрочем, не имевший на этот счёт ни единого подтверждения, – слишком много в последнее время развелось королей в Европе.

Впечатляющую крамолу слов усилило острие шпаги, взявшее на abordаж крючковатый нос сборщика налогов.

Немало наивных беженцев, пусть и не таких внушительных, стремились поселиться в Испании и не платить налогов. Не тут-то стало. Охранники разделились, обходя всадника. Перо усмехнулся, если кто-нибудь осмелится назвать усмешкой волчий оскал берсерка¹, готового к атаке.

Охранник, заходящий слева, даже не успел рассмотреть свою смерть. Едва услышал тугой звон тетивы, когда арбалетный болт нарисовал лишнюю дырку в черепе. Второй вояка успел приподнять копьё, но Перо, ловко крутанув коня, оказался у него за спиной. Охранник удивлённо воззрился на острие шпаги, вышедшее из груди на дюйм, полюбовался рубиновыми каплями, бесславно сражавшимися с земным притяжением, и умер, не дождавшись результатов стычки.

Португалец скончался самостоятельно. Несчастный бросился с оголённым кинжалом на обидчика, но по неосторожности оказался так неловок, что напоролся на окровавленную шпагу.

Шею не в меру ретивого еврея украшала цепочка, скромный дар благочестивой супруги. Впрочем, в кошеле обнаружилось с десяток реалов, всего этого вполне хватало на первое

время. «Весьма недурно» – подумал Перо, присоединяя королевского сборщика налогов к длинному списку освобождённых тем же образом истцов. В список входили: безымянный секуляризатор орденских земель, за ним некий знатный боснийский мусульманин, какая-то многочисленная община богомилов, отрицавшая частную собственность и благополучно её лишившаяся, взбунтовавшееся стадо крестьян, спаливших поместье своего господина, но на беду повстречавшее маневрирующего против турецких воинов рыцаря – сильно проредившего и ряды бунтарей и ряды турок. Список полагалось продолжить десятком-другим обманутых женщин, но и упомянутого вполне доставало, чтобы понять, отчего скромный дворянин из Боснии оказался в величественной испанской империи, над чьей гористой территорией никогда надолго не заходило солнце.

Глава 9. Конкиста – Тонто, один из них

Величественная картина гор со сверкающими на солнце вершинами казалась холстом живописца. Двигатель гудел ровно, джип без напряжения взбирался выше и выше. Вскоре миновали андские туманы. За ними открылись просторы высокогорных равнин. В первозданности воздуха зрение обострилось, и можно было рассмотреть ближайšie, изнурённые штормовыми дождями, вершины. Скопище облаков всевозможно тёмных оттенков придавало ландшафту мистичность.

Альберто выключил кондиционер и открыл окна. Настала пора привыкать – в Параноесе придётся провести долгие месяцы. Чуть погода показались заросли гинкго билоба, профессор Пинто оживился.

– Вот они, наши союзники, – констатировал Хайме, – между прочим, потомки древних папоротников.

Альберто согласно кивнул:

– Я пробовал цветочный настой ещё в студентах, заметно активизирует память.

Джип затормозил под зданием местной больницы. Трёхэтажной, жалкой на вид, но единственной в округе и поэтому вечно переполненной. Здесь ничего не изменилось. Кое-где в глубине парка блуждали поражённые недугом страдальцы. Здесь всегда всё неизменно. Но даже профессора Пинто, выдавшего виды доктора, устроил воистину голливудский бред. Представилось: вокруг густо и бестолково слонялись «тонто» – так в городке величали горемык, разбитых болезнью Альцгеймера. И, как по команде, они, словно враз учув здорового человека, повернулись, протянули руки и, монотонно подвывая, медленно двинулись к нему. Лицо его оставалось бесстрастным. Чему удивляться? О чём сожалеть? Они воспринимают происходящее, как нечто само собой разумеющееся. Вгляделся, лишь призрачная зависть окрасила их глаза, пробранные буйством.

Ничего подобного не произошло. Выдумка, короткое наваждение. Примыкающая к больнице площадь пуста. Люди с утра подались на работу – кто в поле, кто на текстильную фабрику. Лишь по одной из улочек зигзагами перемещался юноша. Останавливался, снова шёл. Тонто, один из них. Хайме почувствовал на себе взгляд Альберто.

– Что-то случилось, сынок?

– Нет... Показалось, что вы на мгновение исчезли.

– Я стал невидимкой? – поинтересовался профессор.

– Нет, вроде этого тонто, – ответил ассистент.

Ни намёка на шутку, но Хайме улыбнулся, глядя, как приближается юноша. Вне всякого сомнения, местный. Эталонный образчик нынешнего горца: джинсы, цветное пончо, набриолиненные волосы. Хранитель уникальных анатомических и физиологических характеристик – низковат при плотном телосложении и кряжист. Не так уж неправ Альберто. В тонто одновременно и странно, и явно чувствовался человек не от мира сего, с душой, резонирующей безответности. Блеклое звено, вплетённое в окружающую явь – начало, продолжение и слияние с нею. Парень растерянно смотрел на незнакомцев – то на профессора, то на его помощника, пытаясь осознать, кто они, и прежде, какое отношение он сам к ним имеет, как оказался здесь.

Хайме Пилар мягко взял его руку и, как можно участливее спросил, помнит ли он, где живёт. Лицо юноши осветила счастливая улыбка. Радостно закивал. Наказав Альберто заняться неотложными приготовлениями, профессор попросил тонто показать путь к дому.

Вскоре Альберто растроганно отвечал на приветствия коллег. Ему обрадовались, и он позволил увлечь себя в больничные недра.

– Доктор, вы ещё помните Марину Эрнандес? – с грустью спросила молодая медсестра, красиво краснея, – теперь она не может встать на ноги...

Альберто забыл, о ком речь, зато отлично помнил другое – во время предыдущего приезда, эта медсестра имела на него виды, но Хайме Пилар строжайше запретил отношения с местными жителями, помимо связанных с работой.

– Это и есть Марина Эрнандес, – печально вздохнула девушка, – на ноги стать уж не может...

Доктор взглянул на высохшую старуху, привязанную ремнями к креслу-каталке. Мужчина, сверкая смуглыми затылками, тщетно пытался согнуть ей в локте руку. Рука застыла, и он шептал что-то ласковое, уговаривая расслабить мышцы.

– Всего час гимнастики в день снижает риск контрактур, – подбодрил Альберто мужчину, но, заметив недоумение в его глазах, добавил, – увеличивает подвижность сустава...

И внезапно осёкся, узнав в окаменевшей старухе женщину, пышущую здоровьем всего год назад, её привёз в клинику муж, этот мужчина с затылками.

Вспомнилось, как жутко смушалась сеньора Эрнандес, когда супруг рассказывал, что его жёнушка в последнее время по многу раз переспрашивает одно и то же. Профессор просил женщину постоять и попрыгать на одной ноге, затем с закрытыми глазами достать пальцем кончик носа. Вышло на третий раз. Когда бедняжка не смогла ответить, какой нынче год, стало ясно. Профессор нахмурился. Увы, у Марины Эрнандес – Альцгеймер. Скоро ей понадобится постоянный уход, и жить осталось недолго. Тогда Альберто предположить не мог – сколько. За год из несчастной женщины вытекла душа.

Доктор положил руку на плечо мужчины. Тот даже не поднял головы, продолжая методично сгибать и разгибать локоть любимой. Медсестра, справившись с неловкостью, тронула Альберто:

– Люди узнали о вас! У них появилась надежда! Храни вас Господь! Во веки веков храни. Если бы она знала.

Глава 10. Конкиста – Желаете испытать судьбу, сеньор?

Кто бы мог знать заранее! В Испании доблестный рыцарь Перо Далипагич не нашёл для себя земли обетованной, зато врагов нажил немало. Набрался мастерства у плутов всех мастей. Неистово играл в бабки в Мадриде, в экарте – в Толедо, сражался в пикет в Севилье. Здесь веселятся, там поносят Бога, ещё дальше сорятся и дерутся, но повсюду жульничают и воруют. Сегодня, после короткой стычки, он твёрдо решил покинуть империю, разбогатеть, вернуться обеспеченным человеком, чтобы прикупить потомственную идальгию. На случай, если она не будет пожалована за невероятную храбрость и достойные баллад подвиги.

На въезде в город Перо совершил непростительную ошибку. Залюбовавшись гирляндой человеческих обрубков – останков четвертованных преступников, вывешенных на городской стене, прозевал приближение монаха. Эти солдаты инквизиции, словно гарпии, подстерегали путешественников, вкрадчиво интересуясь: «нет ли в вашем багаже еретических писаний, запрещённых Святой Церковью». Если таковые находились, путешествие заканчивалось. Если нет, требовали заплатить за проверку скромный взнос. Монах, встретившийся Перо, обладал молодым весёлым баском и, когда кабальеро решил отделаться монетой в су, решительно преградил дорогу. Но Перо благоразумно пожертвовал на дело инквизиции полноценный реал, заслужив заочное благословение Его Святейшества Папы из Ватикана.

Сиеста. У дворца в такое время никого не встретишь. Далипагич положил остановиться на постоялом дворе, а утром, отдохнув и подкрепившись, двинуться ко дворцу. Выходило: реал за постель и по реалу за еду и свечку.

Постоялый двор, приличный снаружи, внутри вызывал оторопь. Несколько оборванных нищих – то ли женщин, то ли мужчин, распивали вино, горланя похабщину. Перо спросил лучшего вина у брюнетки, с виду цыганки, а когда та отвернулась, чтобы исполнить заказ, не без удовольствия проследил за вызывающей игрой попки, благодушно прикинув: «Похотливая сучка!».

На него косились, но зверская рожа в очках, вкупе с телом исполина, не позволяли мыслям, затуманенным алкогольной дрянцой, завладеть рассудком. Вскоре девка вернулась с бурдюком. В благодарной спешке Перо шлёпнул её пониже спины, вызвав интригующий смешок, и отхлебнул вина. Проглотить пойло, отдающее козлятиной, оказалось невыносимо. Ошарашенная девчонка приняла на себя кислый душ, перемешанный со слюной.

За подобное подношение бедняжке пришлось оплатить причинённый ущерб собственным телом. Далипагич взвалил её на шею и уволок в номер, где учил уму-разуму до утра. Проснувшись часам к одиннадцати, наотрез отказавшись жениться и даже подарить несколько пистолей, Перо, словно собака, отряхнулся от блох, покрывавших тело копошащейся коркой. Затем наскоро позавтракал мясным паштетом, почему-то отдающим мертвечиной. Наверняка на городской стене не окажется вчерашних останков, случись вернуться к главным воротам – в этом он мог присягнуть. Затем, одевшись, всё же сжалился и кинул несколько монет рыдающей девушке.

На выходе из постоялого двора доблестный всадник задержался на пару минут, заинтересовавшись мясистой бабищей, вывалившей гигантские груди на нетёсаный стол. Поражали размерами соски, такие, что ими впору кормить телёнка. Перо решил проследить за развитием событий, но тут же разочарованно сплюнул. К столу деловито приковылял мальчонка с волосатым тельцем и грубоватыми чертами лица, обеими руками приподнял молочную необъятность и прикипел к чёрному соску.

Наблюдать завтрак мальчика стало скучно. Перо спешно покинул гостеприимное местечко. Среди приземистых, как один, и смуглых брюнетов, синьор Далипагич выгодно отличался статью и светлыми волосами, чем не преминули заинтересоваться встречающиеся на пути донны. Из ближайшей подворотни доносились вопли человека, умоляющего об исповеди. В воздухе, густом, как черепаховый суп, терпко пахло конкистой. Было хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.